

Эдуард Михайлов

Книга не о тюрьме написанная на телефоне

ЧУЙСКАЯ

ДОЛИНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эдуард Михайлов

Чуйская долина

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Михайлов Э.

Чуйская долина / Э. Михайлов — «ЛитРес: Самиздат», 2010

ISBN 978-5-5321-2502-5

В этой книге нет выдуманных событий. Разве что память где-то добавила краски со временем, а что-то размыла. В 11 лет, в конце 70-х, в Ташкенте, мальчик, потеряв мать, единственного родного человека, становится беспризорником. Вместо 5-го класса школы он оказывается на улице. Его ждет борьба за свободу и жизнь, страх, боль, приключения, свои успехи, победы, радости и потери. Больше он нигде не учился, не нашел семью и дом. Сейчас мальчику уже за 40 и он пишет эту книгу, сидя в тюремной камере, на старом кнопочном телефоне, отправляя друзьям в ммс, снимая непомерный груз тех лет так рано начавшейся взрослой жизни. Содержит нецензурную брань. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-2502-5

© Михайлов Э., 2010
© ЛитРес: Самиздат, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эдуард Михайлов

Чуйская долина

Глава 1

1980 год. Средняя Азия. Ташкент. Район Кара-камыш.

Когда над спящим городом сгущаются сумерки (а ночи в Ташкенте такие черные, что на расстоянии вытянутой руки ничего не видать), во дворах, на лавочках, где когда-то сжижвали еще отцы, собирается молодёжь. В основном это взрослые, знающие друг друга с пеленок парни. Одни отслужили в армии, другие только собираются туда, кто-то учится в ВУЗе, а кое-кто успел отмотать срок в тюрьме. Все они давно освободились от родительской опеки, и их имена уже не выкрикивают из окон матери с наступлением темноты. Они самостоятельны и серьезны. Независимы, но дружны. Ни гитар, ни девушек рядом нет – это уже в прошлом. Почти у каждого есть своя семья, и ночные посиделки во дворе давно превратились в своеобразный мальчишник, где по кругу ходит косяк анаши, не возникает конфликтов, и отсутствуют случайные лица.

На тот момент мне было 13 лет, и в этом раннем возрасте я был, пожалуй, единственным обитателем беседки, если не считать моего друга-сверстника Марсика, которому, к сожалению, не всегда удавалось ускользнуть из под контроля строгой татарской семьи в ночное время. Войти в круг этих взрослых парней, и остаться с ними в равных отношениях было делом не простым, однако я очень хотел этого. И стремился. За довольно короткий промежуток времени мне это удалось, о чем не премину рассказать в свое время.

Поскольку на описываемый период у нас с Марсиком своей конопли не водилось, мы поставили себе в задачу поиск и покупку папирос, чтобы хоть таким образом наше доленое участие в «травокурении» было практически оправданным. Надо сказать, папиросы в Узбекистане были страшно дефицитным товаром в ту пору, и найти их в свободной продаже не представлялось возможным. «Беломорканал» привозили из России барыги, и в короткий срок продавали их целыми чемоданами с пятикратной наценкой. Иногда пачку папирос можно было увидеть как бы «невзначай» лежащей возле продающих семечки теток, однако это считалось очень удачным обстоятельством. Днем, вытряхнув из копилки-поросенка необходимую сумму, мы с Марсиком устремлялись на поиски папирос, и, в общем, редко возвращались во двор с пустыми руками.

Копилка, которую мы так безжалостно трясали, принадлежала старшей сестре Марсика – Гульке, студентке, красавице и почти невесте. Разумеется, она не догадывалась о нашем «крысятничестве», иначе, как говорил Марсик: "...они будет на целый месяц... С первого класса копила, дура..." Отношения между ними были, мягко говоря, не «братские», и они постоянно грызлись, словно кошка с собакой.

Между тем, добыча папирос становилась делом все более хлопотным, что весьма серьезно портило нам с Марсиком настроение. Случай, раз и навсегда решивший эту проблему, произошел довольно скоро, поскольку Провидение тщательным образом следит за процессом чередования двухцветных полос, из которых скроены наши Судьбы.

В нашем дворе, в однокомнатной халупе, проживал одинокий дед, ветеран Второй Мировой. Свою левую ногу, по самое бедро, он оставил где-то на полях сражений, и весь свой нехитрый, ежедневный путь до пивбара и обратно, проделывал на костылях. Обе щеки старика были пробиты насквозь немецкой пулей, страшные шрамы от которой он скрывал под густой щетиной. Весь квартал знал этого деда, поскольку тот был завсегдатаем ежегодных праздничных мероприятий по случаю Дня Победы, когда в рамках культурной программы, увешенного орде-

нами, его, уже не "вязавшего лыка", приводили под руки в школу, и на торжественной линейке показывали нам, соплякам, как музейный экспонат. Раза три в неделю инвалида навещала жившая в центре, дальняя родственница, полная и молчаливая женщина средних лет, которая готовила еду из привезенных с собой продуктов, стирала и вывешивала на балконе вещи деда, убиралась в квартире, и уезжала к себе, чтобы через пару дней вернуться опять.

Дед абсолютно ни на чем не заморачивался, и, начиная с обеда, только и занимался своим любимым делом; глушил пиво в летнем павильоне до самого его закрытия. В пивной не было предусмотрено сидячих мест, и несколько часов кряду, дед, словно оловянный солдатик, мужественно торчал у стойки, опираясь на костыли. Хозяин павильона – Тахир, поначалу предлагал инвалиду стул, но тот отмахивался, желая оставаться строевым солдатом, и безграничная любовь к пиву, видимо, придавала ему сил. После закрытия пивбара, дед с завидным постоянством ковылял на своих «трех» ногах по узкому тротуару в сторону дома, и на его старом коричневом пиджаке звонко бились друг о друга всегда начищенные до зеркального блеска ордена. Лицо ветерана в такие моменты было красным от выпитого за день, и вид его, всегда гордый, я бы даже сказал, бравый и торжественный, наводил на мысль, что перезвон медалей на собственной груди сам дед воспринимал как звучащее в голове "Прощание Славянки". В общем, старый был предсказуем и стабилен, как таблица Пифагора, однако мой интерес к нему тогда вызвала одна-единственная деталь: папироса в зубах. Встретить в Ташкенте на улице человека, курящего папиросу, было совершенно нереально. Как позднее выяснилось, «Казбек» ветерану поставляло государство в виде льготного обеспечения, без задержек и в любом необходимом количестве. Дед как начал дымить «Казбеком» еще до войны, так и продолжал это делать. Что-что, а страна умела стабильно заботиться о своих защитниках, когда речь заходила о поглощении никотина...

Глава 2

Возвращённая родителями из детских садов малышня, рассыпавшись по всему двору, забивала перепонки своими дикими визгами. Мы с Марсиком сидели на толстой ветке старого карагача и уныло наблюдали сверху за этим глупым племенем, словно сошедшим с ума после освобождения из своей примитивной тюрьмы с надзирателями-няньками. Скорее бы полночь! Тогда все эти насекомые будут досматривать десятый сон, наполняя влагой свои пелёнки, а хозяевами дворов станут взрослые и серьёзные люди.

– Гляди, ща грохнет! – Марсик восторженно кивнул в сторону дороги.

Посреди тротуара, широко расставив костыли, стоял пьяный в хлам дед-ветеран. На этот раз он имел далеко не торжественный вид и, глядя прямо перед собой, пытался сохранить контроль над остатками угасающего сознания. Двигаться вперёд он был явно не в состоянии, и всё, что оставалось несчастному, так это лишь балансировать от одного костыля к другому.

– Пошли-ка, – скомандовал я, и мы спрыгнули на землю, рискуя придавить копошащихся под деревом «козьявок».

Почти одновременно с нашим приземлением раздался треск падающих на асфальт костылей. Опоздали. Дед лежал на земле и смотрел в небо выцветшими от времени глазами. Ордена замерли на груди, и эта пугающая тишина создавала пугающую иллюзию будто дед помер. Потрясающе вежливые в такие моменты прохожие, старательно и аккуратно обходили ветерана, чтобы не дай бог ненароком не наступить на костыли, раскинувшиеся по ширине всего тротуара. Ты лежи, дед, не стремайся! Они не думают о тебе плохо и не оглядываются, проходя мимо. Ты проливал кровь за тактичное и доброе поколение.

С трудом подняв деда на единственную ногу, и крепко придерживая с боков костыли, мы с Марсиком повели его домой. Наблюдавшая за этой картиной из окна первого этажа дородная хохлушка тетя Оля, крикнула нам, когда мы поравнялись с ее балконом:

– Вы, пацаны, потом пощупайте его, може, чего поломал! Вот же, упился, пень древний. . .

Тёте Оле было под шестьдесят, однако ее здоровью мог смело позавидовать любой портовый грузчик. Во дворе она слыла конфликтным и резким человеком, потому что всегда выражалась прямо, без околичностей, и часто говорила в лицо всё, что думала о человеке. Ее откровенно побаивались и сторонились, но и она никому не навязывалась. Зато дети ее обожали и на Пасху бежали христосоваться в первую очередь к тёте Оле, которая никого не оставляла без крашенного яичка и кусочка сладкого кулича. Взрослые поговаривали, что эта крепкая женщина отсидела 10 лет в послевоенное время, и я хорошо помню их застольный разговор с моей мамой несколько лет назад.

– Теть Оль, за что же тебе дали десять лет? – Спросила ее мама.

– По приговору. За кражу двухсот метров пошивочного материала. Я тогда на ткацкой фабрике работала, – тётя Оля лукаво улыбалась.

– Куда ж тебе столько понадобилось? – Не унималась мама.

– Да и как же ты выносила? Не за один раз, что ли?

– За один, за один, – тётя Оля лихо опрокидывала рюмку водки в огромный, как акуля пасть, рот, и, занюхав хлебной корочкой, продолжала. – В карман сунула и пошла. Наивная же ты, Галка! У тебя где нитки-иголки лежат? – Вдруг совершенно неожиданно спросила она.

В некотором недоумении мама принесла из комнаты ларчик, из которого тетя Оля выудила катушку ниток, где на деревянной основе была приклеена этикетка. Поднеся ее к глазам мамы, она сказала:

– Читай!

На катушке было написано: «НИТКИ ЧЕРНЫЕ. х/б. 200 м.»

– А куда деваться, милая? – Говорила теть Оля погрузневшей вдруг маме. – Молодая девка, работаю ткачихой, а хожу вся в дырах. Ни пришить, ни заштопать. Вот и "пришилась"...

Довольно запоздало выйдя замуж, теть Оля, тем не менее, родила здоровых и красивых детей; вначале сына Сашку, а затем Таньку.

– Ладно, теть Оля, поглядим, – отвечал ей запыхавшийся Марсик, хотя и так было видно, что дед цел и невредим. Дотащив старика до квартиры, и уложив в постель, мы, уходя, лишь прикрыли за собой входную дверь. А на следующий день...

– Ладно, что хоть на спину шваркнулся, а если бы вперед головой? – Я говорил наигранно-трагическим тоном, сидя напротив лежащего в постели ветерана.

– Уххх... Зря я водки у Тахира попросил. Вот тебе и «ёрш» вышел, мать его за ногу! – Дед с трудом поворачивался к стоящей на табуретке рядом с кроватью трехлитровой стеклянной банке, на 2/3 заполненной окурками. Каждый раз, стряхивая туда пепел, старик кряхтел и охал, видимо, все-таки отбив себе что-то при падении.

– А ты чей будешь? – Наконец начал он приходить в себя.

– Здешний. С 61-го. Мишки «Муравья» сын, – ответил я. Старый прищурился, и какое-то время ловил меня в фокус воспаленных глаз.

– Похож, – крякнул он в итоге. – А что, «Муравей» вышел, аль сидит еще?

– Сидит, – понимая, что разговор уходит в сторону, я решил перейти к делу. – Короче, дед! Лежи дома, и никуда не ходи! Каждый божий день я буду покупать и приносить тебе сюда твоё пиво. А ты должен будешь давать мне за это десять папирос. Идёт? – Медленно и с расстановкой произнёс я, про себя думая, что если не согласится на десять, опущу планку до пяти.

– Зачем папиросы? Я тебе могу на сигареты давать, – оживился старый.

– Нет. Мне нужны только папиросы, – по-деловому твердо сказал я.

– "Беломор" пойдет? – спросил он. – У меня с прошлого года лежат, да я их не могу курить. Кашель нападает.

– Пойдёт, – у меня поднималось настроение и хотелось поскорее свалить из этой, провонявшей старческим духом берлоги.

– Тебе Тахир отпустит, или мне записку написать? – дед уже копошился в чреве потертого жизнью, как и он сам, кошелька.

– Не надо записок. Скажу что для тебя, он мне поверит.

Спустя полчаса, дед наслаждался своим любимым и, очевидно, единственным доставляющим радость бытия, напитком, а я с папиросами в кармане стучал в дверь квартиры Марсика, чтобы поделиться с ним хорошими новостями...

Глава 3

Детство мое проходило в два этапа. Первый – до 11 лет, и второй – после.

Помнить себя я начал в детском саду, с весьма необычного момента. Наверное, с аппетитом я уже тогда не очень дружил, потому как остатки обеденного хлеба повадился прятать в ящике с игрушками, на следующий день открывая для себя вкус замечательного хрустящего сухарика. С этих пор, наблюдая за грызущим сухарь малышом, персонал садика ломал головы: что, как, откуда...

Основные помещения детсада располагались на верхнем этаже старого, двухэтажного здания, где в коридоре была привинчена к стене ведущая на чердак лестница. Это была **ОЧЕНЬ СТРАШНАЯ ЛЕСТНИЦА!** Если кто-то из детей заперол какой-нибудь косяк, ему объявляли, что он сейчас же идет на чердак, к **ОГРОМНЫМ ЧЁРНЫМ КРЫСАМ**, хватали несчастного за руки-ноги и волокли к **ЛЕСТНИЦЕ**. Поскольку все обитатели сада привыкли к мысли, что на чердаке **ЖИВУТ КРЫСЫ**, у напакостившего ребенка случалась страшная истерика. Стоя у подножия этой кошмарной **ЛЕСТНИЦЫ-ЭШАФОТА**, с мокрыми глазами и, нередко, штанишками, дети клятвенно умоляли няnek простить их, ведь они **НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ БУДУТ** баловаться.

Изрядно напуганного малыша возвращали в группу, и я уже тогда обратил внимание, что дальше этого дело ни разу так и не дошло. Одна демонстрация **ЛЕСТНИЦЫ**, и вид крышки люка на **ЧЕРДАК** – предел всех угроз. Очень скоро за мной началась слежка, с тем, чтобы наконец выяснить откуда у меня ежедневно появлялись сухарики, и когда в очередной раз я по пояс, с головой залез в ящик с игрушками, поглубже записывая кусочек свежего хлеба, меня схватили что называется, "за руку". В тот раз меня отчитали воспитательницы, довольные разгадкой детективного ребуса, не забыв для профилактики напомнить о **ЧЕРДАКЕ**. Однако, на следующий же день, меня с зажатой в кулаке краюхой вновь извлекли из глубины ящика с игрушками, и разговор на этот раз был коротким, словно приговор: «Все! На **ЧЕРДАК** его! **К КРЫСАМ!**»

Обычно при этих словах дети падали в полуобморочном состоянии, и их, брыкающихся и орущих во весь голос, приходилось волоком тащить к жуткой **ЛЕСТНИЦЕ**. Я же был спокоен как Тибетский Лама, чем немало удивлял своих «мучителей» в халатах. Меня взяли за руки, и подвели к **ЛЕСТНИЦЕ**, где кто-то из «конвоя», осознавая нестандартность ситуации, вынужден был задать этот вопрос: «Что, смелый такой, да? А вот мы сейчас поглядим, что от тебя останется скоро!» Сказать честно, мне внутренне было страшновато оттого, что персонал говорил убедительно, и меня раздирали сомнения. Однако я сказал тогда фразу, которую привожу полностью: «Крысы не водятся на крыше. Их дом в подвале. Там, – я показал рукой наверх, – там живут только птицы».

Надо сказать, я до сих пор не понимаю, откуда появилась тогда в моей голове эта информация. В итоге все закончилось тем, что перед обедом в группу начали приносить из кухни поднос с жареными сухариками, и их могли грызть все, кто хотел, но почему-то, кроме меня, они никому не пришлись по вкусу. Что касается крыс, то уже, будучи взрослым, я с удивлением узнал, что они все-таки могут водиться на чердаках. Пусть и в деревнях.

Ближе к пятилетнему возрасту я влюбился в дочку воспитательницы, которая была со мной в группе, и когда однажды составил из кубиков с алфавитом ее имя – **КАТЯ** – персонал вдруг оказался приятно удивлен моей способностью читать. Меня начали нещадно эксплуатировать, сажая с книжкой сказок перед группой, и уходя по своим делам, те, в чьи обязанности входило ежеминутно находиться с нами. А я все читал, читал, читал... Позднее, в школе, я выделялся отличными оценками по всем предметам, в то время как мое поведение оставляло желать лучшего. Не то, чтобы я был не в меру хулиганист, а лишь отстаивая по большей

части собственную индивидуальность, и попадая время от времени в нехорошие ситуации, я почему-то, всегда оказывался крайним. Баловаться сигаретами я, правда, начал рано, после второго класса, за что бывал регулярно бит строгой мамой. Едва учуяв исходящий от меня запах табака, она тут же отправлялась в ванную за желтым рифлёным шлангом от стиральной машины. Шланг тот был довольно старым, и при каждой экзекуции от него отлетал кусочек. Несмотря на жесткое воспитательное воздействие, курить я не прекращал, и при каждом последующем «запале» старый шланг продолжал укорачиваться.

Моя мама работала на заводе железобетонных изделий, где плела арматуру. По сей день, профессия АРМАТУРЩИЦА режет мой слух своим неженским названием. Приходя домой с работы и валясь с ног от усталости, она первым делом садилась со мной за уроки, и была строгой, но справедливой и безумно любящей меня матерью. Отец мой оказался в тюрьме, когда я был еще очень мал, и мама рассказывала, что брала меня на свидание с ним, чего я, к сожалению, не помнил. Срок у отца был большой, и в какой-то период мои родители развелись. Мне неведомы причины их развода, и я знаю лишь то, что мама продолжала оставаться одна. До конца...

Глава 4

1978 год. Первого сентября я должен был идти в школу, так как начинался пятый год моего среднего образования, однако этому не суждено было случиться. В этот день, Единственный, Родной мне Человек навсегда оставил меня в этом огромном, полным опасностей Мире. В 11 лет мое обычное и привычное детство закончилось, и уже другая женщина, распахнув объятия, приняла меня под свою опеку. Имя ей – ОДИНОЧЕСТВО.

Детский приёмник-распределитель, куда меня привезли инспекторы детской комнаты милиции, являл собой вместилище сирот обоих полов, от грудничкового возраста, до 14 лет, детей от родителей, лишённых родительских прав, и разного рода маленьких шаромыжек полу-криминального толка. Здесь я увидел другой мир, где вдруг ставшие чужими для всех дети обретали заложенную в каждом по-своему, но не востребовавшую ранее САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ.

За полтора месяца пребывания в этом странном обществе, где дети думали и говорили по взрослому, я довольно быстро влился в коллектив, и мало по малу начал привыкать к своему новому положению. Однако в детском доме, куда меня вскоре привезли, я вдруг почувствовал себя ничтожным и совершенно никчемным существом.

Это был самый лучший в СССР детский дом, имевший статус образцово-показательного. Директриса, возглавившая его сразу после войны, была дамой весьма влиятельной, часто ездила в Москву и была хорошо известна самому Брежневу. На лацкане ее строгого пиджака всегда красовалась Звезда Героя, и в Кремле ее уважительно называли Ташкентской Мамой. Здание детского дома было похоже на Дворец Пионеров, с колоннами у парадного входа и лепным орнаментом по всему фасаду в духе соцреализма. Внутри просторно, чисто, уютно и светло. Вышколенная вежливость персонала сравнима разве что с современным европейским уровнем. Хорошо одетые воспитанники всегда улыбки, и безмятежный вид их, говорил о здоровой и благополучной атмосфере. Пожалуй, я бы остался в этом Раю, если бы не единственное обстоятельство. Каждый поступающий туда воспитанник, похоже, заранее отбирался ещё в детприёмнике, потому как по дороге в детдом начальница этого самого приёмника, капитан милиции, читала мне нотации в салоне казенного микроавтобуса.

– У тебя появился шанс благополучно устроить свое будущее. Из этого Дома вышло много известных и уважаемых ныне людей. Если ты не зацепишься за это, ты-дурак...

На месте меня ждало собеседование. Капитанша, очевидно поручившаяся за меня, заметно волновалась, стоя у огромной черной двери Директрисы. Зашли в кабинет мы вместе, но сидящая за внушительным столом властная женщина, одним коротким взмахом руки отправила капитаншу за дверь, указав мне на стул. После расспросов о моем прошлом, она начала объяснять мне, какой образцовый детдом она возглавляет, и как непросто сюда попасть. Потом показала стоящие в углу мешки с письмами от бывших своих воспитанников, и достала объемный фотоальбом. Я смотрел на людей в генеральской форме, в лётных шлемах, строгих костюмах и галстуках, и каждый из этих людей был чем-то знаменит, со слов самой Директрисы. Я определенно начинал ей нравиться, поскольку собеседование затянулось на добрый час. Все это время я молчал, а она говорила и говорила, перебирая различные варианты моего "достойного и счастливого Будущего".

– Здесь есть два строгих правила, обязательных для всех без исключения, – наконец она явно удовлетворенная собой, подвела итог. – Первое: у нас НЕ КУРЯТ! Даже персонал, не говоря уже о воспитанниках. И второе: все дети, называют меня Мамой. Когда в будущем ты будешь входить в этот кабинет, ты должен обращаться ко мне не иначе, как «Мама». Если у тебя нет вопросов ко мне, можешь идти, и пусть сюда войдет Оксана Дмитриевна.

Я поднялся со стула и пошел к выходу, но на середине большого кабинета остановился, повернулся к Директрисе, и сказал: «Я не буду называть Вас "Мамой"». Она откинулась на спинку высокого кресла, и ее лицо, вмиг потеряв заботливое выражение, стало злым и холодным. Пристально сверля меня прищуренными глазами, она скорее прошипела, чем произнесла:

– Меня, милый мой, генералы Мамой зовут, – при этом она постукивала пальцем по лежащему на столе фотоальбому. – И генералами их сделала именно я... А ты как был – НИКТО, так НИКЕМ и останешься. Оксану Дмитриевну зови!

– Ну что, что? – Пытливо глядела на меня за дверью капитанша.

– Вас зовет, – глядя в пол, ответил я.

Через минуту, с моим личным делом под мышкой, Оксана Дмитриевна нервным шагом двигалась к машине, держа меня за руку, и не глядя в мою сторону. Видимо, она очень хотела мне помочь в этот критический период моей жизни, и была по-женски сильно расстроена...

Глава 5

Ближе к вечеру я опять оказался в знакомом мне приёмнике-распределителе, куда на следующий день поступил подросток, ставший мне самым близким другом в течение последующих двух лет. Звали его Алим. Он был на год младше меня, и из его левой ноздри почему-то всегда текло, независимо от погоды. В приёмнике его все знали, поскольку этот узбекёнок поступал туда уже в третий или четвертый раз.

Алим был удивительно свободолюбивым пацаном, регулярно убегавшим из дома только лишь для того, чтобы жить на чердаках и в подвалах. Его отец занимал какую-то серьёзную номенклатурную должность в Андижане, и все огромное семейство Алима проживало в очень хороших и не бедных условиях. Мать пацана скончалась от какой-то тяжелой болезни год назад, и не найдя общего языка с отцом, Алим покинул родительский дом. Приехав в Ташкент, он быстро сдружился с местными беспризорниками, и промышлял с ними мелким воровством на базарах. Когда мы с ним познакомились, он с восторгом рассказывал мне об их ночлежках, местах встреч у кафе «Буратино», базарах и ментах, кражах и побоях в случае поимки. Мне был совершенно чужд тогда мир, о котором с улыбкой счастья на лице рассказывал маленький беглец, но качества, которыми он обладал, прежде всего – чуткость и отзывчивость, честность и готовность поделиться последним, вызывало во мне уважение к этому человеку.

Алим очень боялся, и сильно ненавидел своего отца, равно как и старших, взрослых уже братьев. Поздний ребенок в семье, он явно отставал в развитии от сверстников, но его человеческая доброта с лихвой компенсировала слабо развитые способности к обучению и делала его скорее мудрым, чем наивным. Больше всего на свете он любил свою свободу, и это при том, что дома у него было все что угодно, в том числе и обеспеченное богатым отцом будущее. Моя мама была обычной труженицей, и жили мы довольно скромно. Однако я до сих пор убежден, не покинь она так рано этот бренный мир, мое будущее оказалось бы намного светлее. Во всяком случае, я точно бы не знал многое из того, что сегодня хочется забыть навсегда. От чего же освобождала Алима эта странная штука, СВОБОДА?..

Когда тяжелые ворота приемника с грохотом открывались, чтобы впустить какую-нибудь машину с хозяйственным грузом, лицо Алима, всегда улыбающееся, вдруг становилось тревожным. Он знал, что скоро заедет черная ВОЛГА, и из нее выйдут хмурый отец с двумя старшими сыновьями, которые молча возьмут его под руки и поведут к машине. Он будет кричать и плакать, но его никто не услышит. Дома его избыют, и привяжут во дворе словно собаку, но добрая сестра украдкой принесет ему ключ от замка, и, освободившись от цепи, он вновь убежит. В Ташкенте есть близкие его духу люди, подвалы, базары, и Алим непременно будет там. Непременно.

Через неделю нашего совместного проживания в приемнике, он смотрел на меня печальными, заплаканными глазами через заднее стекло черной «Волги», увозящей его в Андижан, а я махал ему вслед рукой и думал, что мы обязательно когда-нибудь встретимся. А еще через неделю меня привезли в другой детский дом, где приняли без всяких проволочек и «собеседований», что явно говорило о классе заведения. Весь процесс приёма-сдачи занял минут пятнадцать, и, вверив меня какой-то тетке в белом халате, Оксана Дмитриевна умчалась в своем «Рафике».

– В баню пойдешь? – Спросил белый халат.

– Вчера мылся, – мотнул я головой, и тетка повела меня в вещевую каптерку, где во множестве висели на вешалках и лежали в аккуратных стопках чистые и выглаженные вещи.

– Размер свой знаешь? – Спросила она.

– Сам выберу, – я не знал своих размеров.

– Ну, выбирай. А я пока на кухню, узнаю, что там осталось с обеда. Свою одежду вот в этот бак брось, – тётка исчезла.

Не спеша я выбрал себе приличную одежду и обувь по размеру. Она была не новой, но в хорошем состоянии. Больше всего меня радовала рубашка из байки в черно-красную клетку. В детстве люди особенно пижонисты.

В хорошем настроении я сидел в пустой столовой, где для меня накрыли обед из двух блюд, с компотом. Встав из-за стола довольно сытым, я вышел в большой холл, где увидел совершенно неожиданную картину, оказавшую непосредственное влияние на мое последующее поведение.

В нескольких шагах от меня, с длинной, похожей на учительскую указку палкой в руке, стояло существо с плоским затылком и явно выраженным синдромом Дауна на лице, и дико орало во всю глотку: «В школу всем! В школу всем! В школу всем! В школу всем!» Вид у него был пугающим, как у всех даунов и, выкрикивая одну и ту же фразу, будто заезженная пластинка, ОНО замахивалось палкой на всех проходящих мимо. Шарахаясь в стороны, воспитанники продолжали свой путь, и было видно, что все привыкли к этому ЧУДОВИЩУ, и, в общем-то, не боятся его. Из глубины коридора появился седой старикан в очках, который был вторым, виденным мной здесь взрослым человеком. Проходя мимо идиота, старикан крикнул ему громко, так, что вокруг все слышали: «Давай-давай, гони этих БЛЯДЕЙ в школу!»

Застыв на месте истуканом, я попытался как-то переваривать увиденное, и мои мысли беспорядочно металась от дауна к старикану, так, что я не мог сразу понять, чье именно поведение меня крайним образом возмущало. Очень скоро ясным стало лишь одно: ЭТО НЕ МОЙ ДОМ. Повернув голову влево, я увидел открытые настежь двери центрального входа, и они словно невидимый, но мощный магнит втянули меня во двор. Свежесть мелко морозящего, ноябрьского дождика заставила меня пожалеть о том, что я не взял болониевую куртку, коих во множестве видел в каптерке, однако возвращаться назад я был не намерен.

Куда мог податься ставший внезапно одиноким и бездомным пацан? Конечно же, туда, где ему было всё до боли знакомо...

Глава 6

Район Кара-камыш (Чёрный камыш) получил свое название от некогда стоящих на месте этой окраины Ташкента болот. Теперь здесь расположены заводы, фабрики, биржи – одним словом, тянущаяся на несколько километров промзона. В основном – русскоязычное население, которое проживает в четырехэтажных домах, образующих уютные зеленые дворики, переходящие в кварталы. Каждый из этих кварталов имеет свою инфраструктуру: школу, детсад, магазин, рынок... Общие лишь милиция и поликлиника, да еще кинотеатр "Нукус".

По окраинам тянутся кишлаки, с постройками из саманной глины, где проживают игнорирующие блага цивилизации аборигены Средней Азии – узбеки. У них свои школы и своя территория, негласно разделенная от нашей "нейтральной полосой", в виде трамвайного полотна, дороги или речки, коих в городе бесчисленное множество. В Ташкенте вообще очень много воды, и хитрая система гидросооружений тянет свои рукава-арыки практически через каждый двор.

Удивительно красивый город – Ташкент. Когда я появился в родном дворе, солнце уже село за горизонтом, и огни квартир были единственным источником света. Из окон тёти Оли лилась громкая музыка, и многоголосый хор пьяных гостей пытался перекричать Магомаева: "Эта свадьба, свадьба пела, и плясала"... Потом кричали: "Горько!", – и с улицы было хорошо видно, как поднимался из-за стола двухметровый Сашка, и целовал всю в белом невесту, красавицу из соседнего двора – Светку. Сашка женится.

Сын тёти Оли Саня был символом мужества для всех пацанов нашего квартала. Год назад он вернулся из армии, где служил в ВДВ, к величайшей нашей гордости, и я хорошо помню тот день. Приехал он совершенно неожиданно, и тётя Оля начала спешно хлопотать у плиты, пока Саня с батей расположившись на балконе взяли за бутылочку водочки. И надо же было случиться именно в тот день, что одного из наших пацанов поймали узбеки на нейтральной полосе, и порядком избили. Очень быстро образовалась большая толпа с обеих сторон, и началась массовая драка.

Надо сказать, что естественные для российской молодежи драки "стенка на стенку" в Средней Азии возникали исключительно на национальной почве. Между собой же, любые конфликты было принято решать "один на один", и в этом была своя, восточная философия; никто, кроме тебя, не будет отвечать за твои поступки.

Так вот, в той большой потасовке между подростками наши пацаны явно уступали организованности и дерзости узбекской группировке, и кто-то, прибежав во двор за подкреплением, увидел на балконе Сашкину тельняшку, истошно завопил: «Саня, Саня! Там наших бьют!»

Уже хорошо поддатый к тому времени Саня, без лишних расспросов натянул на затылок голубой берет с эмблемой раскрытого парашюта, и прямо с балкона ловко выпрыгнул во двор. Пьяный батя лишь расстроено махнул ему в след рукой. И вот картина: идет полупьяный, двухметровый десантник в парадной форме, а за ним гурьбой, с арматурой, цепями и финками рвутся в бой полсотни оголтелых подростков. В общем, полкишлака разнесли к чертям собачьим.

А тётя Оля ждет его у дороги, и материт всех малолеток по-чёрному. Самому же Сашке, – полотенцем по морде! Саня как щенок побитый, берет с башки долой, и трусцой до хаты. Два года из него делали машину для разрушения, а тут случай такой подвернулся: "НАШИХ БЬЮТ!". Сам Бог велел пар выпустить. Не знаю, из-за того ли случая, но с тех пор, и по сей день, у меня сохранилось стойкое, уважительное отношение к "десантуре".

Свадьба! Сегодня Саня вступал в другую, взрослую жизнь. Постояв немного под окнами тёти Оли, я вошел в подъезд, где была наша квартира, и поднялся на второй этаж. На двери

белела полоска бумаги, с гербовой печатью, где по ободу шла надпись: <РОВД. С-Рахимовский р-н., г. Ташкент. Уз. ССР. > И уже от руки, для непонятливых: «Опечатано».

Сорвав бумагу, я смял и бросил ее тут же. Дверь заперта. Замок прежний. Запах старого дерматина, такого знакомого с детства, уносил меня назад, в прошлое, и на мгновение вдруг подумалось, что стоит тихонько постучать в дверь, как из глубины квартиры послышатся мягкие шаги, и дверь отворится. Какое-то время я стоял в этой кричащей тишине, а затем, будто спохватившись, спустился вниз и прижался к теплой батарее.

"Как же попасть внутрь?" – усиленно размышлял я. Растущая прямо под окном вишня, имела слишком тонкие и хрупкие для моего веса ветки. Да и окно наверняка плотно закрыто. В моей памяти всплыл случай, когда я учился ещё в первом классе, мама, забрав меня из школы, никак не могла найти ключ от квартиры, очевидно обронив его где-то. Мы проделали с ней весь путь до школы и обратно в его поисках, но так и не нашли. На лестничной площадке, нам встретился Шухрат, соседский парень с четвертого этажа, который был знаменит во дворе тем, что играл в свое время за юношескую сборную «Пахтакора». Мама попросила его выбить дверной замок, но вместо этого умный татарин обошел дом с торца и, приметив тонкую трубу, идущую от электрического распределителя и служащую изоляцией для проводов, ловко забрался по ней к нам на балкон.

Радостная и благодарная мама пыталась сунуть ему в карман железный рубль, но гордый Шухрат увернулся, и, сбегав по лестнице, устремился по своим делам. Много позднее, к удивлению всего двора, его посадили. В какой-то неизвестной мне до сих пор ситуации, Шухрат жестоко покалечил двоих дружинников, переломав им чуть ли не все лицевые кости. Говорили, что те двое были пьяны, и это спасло парня от большого срока. Дали ему три года.

Вспомнив об этом, я вышел из подъезда и завернул за угол дома. В Ташкенте редко кто стеклит балконы верхних этажей, начиная со второго, да и на первых обходятся в основном фигурными решетками. Вот и наш балкон зиял сейчас чёрной пустотой. Забравшись на электрический щит, я обнаружил что труба, по которой карабкался Шухрат, прилегает к стене дома довольно плотно, чтобы ее можно было обхватить пальцами. "Как же ему это удалось тогда?" Побродив возле стоящих рядом гаражей, я нашел кусок деревянного бруска, сантиметра три толщиной и, оттянув с силой злосчастную трубу на себя, втиснул его в образовавшуюся щель. На балкон я забрался быстро и легко.

Дверь и окно в единственную комнату были заперты изнутри на шпингалеты, но радовало то, что инструменты мама всегда хранила именно здесь, в шкафу. С чудовищным треском мне пришлось выламывать отверткой форточку, поскольку другого выбора у меня не было. В какой-то момент скрипнула балконная дверь у соседей сбоку, и я затаился. Впервые в жизни, я лез к себе домой, словно вор. Странные и незабываемые переживания.

Воздух в квартире был спёртым и тяжелым. Визуально все вещи были на месте, словно ничего не произошло за последние два месяца. Не было электричества, его явно отключили. Вода была, и, умывшись, я расположился на диване. Пыль чувствовалась повсюду даже в полной темноте. Лежа на спине, я смотрел в угол, где на черной тумбочке трельяжа светлым пятном выделялся овальный предмет. Я хорошо знал его. Оттуда, из темноты, обрамленная в портретную рамку, на меня глядела молодая и улыбающаяся мама. Я тоже улыбался ей, и ручейки слез обильно стекались за воротник байковой, в черно-красную клетку, рубашки...

Глава 7

Утром меня разбудил сильный стук в дверь. На лестничной площадке громко переговаривались женские голоса. Подкравшись к двери, я прислушался и довольно скоро понял, что соседки из квартир сбоку и сверху возмущаются сорванной кем-то опечаткой. И только теперь я пожалел, что сделал это. Привлѣк ненужное внимание, и больше ничего. Ладно хоть только смял и бросил там же ленту, которую старательная, и во всем любящая порядок тѣтя Соня, сейчас приклеивала на место.

Войдя на кухню и открыв дверцу холодильника, я сразу понял источник тяжелого воздуха в квартире: все продукты давно испортились. Внизу, в овощном лотке, словно лопнувшие мячики, лежали сморщенные, и покрытые плесенью две круглые дыньки. Их содержимое вытекло и уже успело засохнуть, осталась лишь кожура. Мама купила их 31 августа, чтобы на завтра угостить меня после первого учебного дня, и накрыла газетой. Она любила делать сюрпризы, но я знал про эти дыньки, и помалкивал до «завтра». Кто бы мог подумать, что это «завтра» перевернет весь мир с ног на голову...

Из шифоньера я достал свою старенькую, болоньевую куртку, о которой не единожды вспоминал вчера на холоде и, вынув из карманов пакетики с нафталином, кои мама клала буквально во все вещи, надел её на себя. Запасной ключ от входной двери лежал на месте и, прислушавшись к тишине на лестничной площадке, я, наконец, осторожно отворил дверь. Лента с печатью, не успев высохнуть в месте склейки, отошла с одного конца и, заперев замок снаружи, я прилепил её на место.

Было раннее утро, и сильно хотелось курить. На одной с нами площадке, проживал 16-ти летний Вовка. Здоровенный балбес, он слыл известным во дворе хулиганом, в то время как родители его были людьми очень интеллигентными и серьёзными. Старшая сестра Вовки, Надежда, окончила школу с золотой медалью, и позднее вышла замуж за сотрудника КГБ. Сам же Вовка был, что называется, оторви-башка. Однажды, забивая шомполом порох в ствол поджига, непроизвольным выстрелом ему оторвало полмизинца. Мать свалилась в обморок, а ему хоть бы что. Даже не пикнул. Не в пример волевой парень. Родителей своих Вовка уважал и старался по пустякам не расстраивать, поэтому сигареты свои никогда не заносил в квартиру, а прятал в подъезде, в электрической щитовой, куда я время от времени запускал руку, получая от него хороших подзатыльников. Я открыл дверцу щитовой. Пачка «Стюардессы» и коробка спичек, не нарушая традиции, лежали там и теперь. Вынув несколько сигарет, я вернул пачку на место и вышел на улицу.

Занятия в школе ещё не начались, и я одиноко сидел на лавочке в прозрачном от поздней осени яблоневоm саду, изредка затягиваясь зажатой в кулаке сигаретой, и опасно поглядывая на двор соседнего со школой дома. Там, в обычной трехкомнатной квартире под номером один, располагалась Детская Комната милиции. Два месяца назад меня увезли в приемник именно оттуда, и я хорошо знал всех троих сотрудников. Начальницей была русская женщина по имени Анжела, которой совершенно не шла милицейская форма. Несмотря на свои тридцать с хвостиком, она была довольно стройной бабой, но черты её лица, обильно сдобренные пудрой и ярко-красной помадой, выглядели скорее вызывающе, и даже вульгарно, чем красиво с эстетической точки зрения. От количества духов, которые она выливала на себя, щекотало в ноздрах, и провоцировало чихнуть. У нее были зелёные, редкостно наглые для женщины глаза, и зачесанные баранкой на затылке волосы, цвета перекиси водорода. Все жёлтые предметы из легких сплавов, которые прилагаются к милицейской форме, ослепительно блестели на ней, словно гирлянды на новогодней ёлке. Иногда Анжела приходила к директору нашей школы, и тогда все старшеклассники, оборачиваясь, глазели на ее вихляющий из стороны в сторону зад и красивые, едва прикрытые форменной юбкой выше колен, ноги. Ей явно нравилось, когда

на нее глазели несмышлёные подростки. В летние выходные дни ее можно было заметить в уголке одного из многочисленных местных пляжей, где она отдыхала в компании здоровых и угрюмых узбеков из оперативного состава нашего РОВД. Да и вообще, в районе о ней всегда ходили нехорошие сплетни.

В рабочем подчинении у этой женщины с немилицейским именем состояло двое инспекторов – Юсуп и Хайрулла. Первый был невероятно худым и долговязым типом лет 27-ми и даже в невыносимую жару носил черный твидовый пиджак и затянутый под нестандартно большим кадыком синий галстук. Он был настолько сухим, что по его черной, как пиджак, физиономии можно было смело изучать строение костей черепа. Юсуп плохо говорил по-русски, но этот факт, видимо, не являлся препятствием для работы в милиции республики Узбекистан. Несколько флегматичный и беззлобный, два месяца назад по дороге в приёмник, он накормил меня в столовой, а на выходе купил мороженное.

Хайрулла, словно в насмешку над Юсупом, был маленького роста, и хорошо упитан. Я ни разу не слышал от него ни единого русского слова и вполне допускаю, что этот язык был ему совершенно не знаком. Этаким бабай кишлачного типа, он постоянно находился за рулем ведомственной «Нивы» и, похоже, на этом его служебные функции заканчивались, поскольку я не могу представить себе, как этот первобытный человек составляет какие-то протоколы. В общем, Анжела подобрала себе таких исполнителей, на фоне которых ее начальствующая роль выглядела несомненной.

Глава 8

Знакомая бежевая «Нива» появилась у подъезда с квартирой под номером один почти одновременно с первыми учениками, заполняющими школьный двор. Я не желал светиться перед всеми знакомыми, и искал встречи лишь с одним из них – Марсиком, поэтому быстро сменил позицию, чтобы перехватить его ещё до подхода к школе. Марсик жил через подъезд от меня и, хотя учились мы с ним в параллельных классах, во дворе всегда находились вместе с тех пор, как начали помнить себя. Купались, мастерили рогатки, гоняли мяч, курили – одним словом, вели обычный для каждого маленького человека образ жизни. Его родители были деловыми, серьезными людьми и вели замкнутую от соседских отношений жизнь. Зато у меня дома Марсик чувствовал себя своим в доску, и моя мама относилась к нему с равным, как и ко мне, вниманием.

Наш двор был поровну населён русскими и татарами, а так же имелись корейцы, башкиры, украинцы, евреи – в общем, большой, дружный интернационал. Однажды, когда мы с Марсиком были еще совсем сопливыми, моя мама, купив немного шоколадного масла, кормила нас бутербродами из этого удивительно вкусного продукта. После того случая мы каждый день бегали в магазин и подолгу смотрели сквозь витрину на огромный куб этого самого масла, тыча пальцем в стекло, и о чем-то перешёптываясь между собой, пока продавец Рустам не прогонял нас ленивым взмахом руки: «Кыш! кыш!» Шоколадное масло даже померещилось нам в толстом слое солидола, которым были смазаны петли гаража. Мы только-только начинали постигать мир, и многого ещё не знали, поэтому, когда Марсик, не удержавшись, всё же лизнул тот самый солидол, и отрицательно помотал мне башкой, я понял: ЭТО НЕ ШОКОЛАДНОЕ МАСЛО.

Как то раз мы нашли во дворе оборонённый кем-то бумажный рубль, и, недолго думая, понеслись в магазин. Протянув деньги огромному (нам всё тогда казалось огромным), Рустаму в белом колпаке на бритой голове и волосатыми до самых ногтей руками, мы, ткнув пальцем в витрину, возбужденно крикнули: «Масла!»

– На все? – спросил Рустам, и мы, словно китайские болванчики, закивали головами.

Продавец сдвинул вбок перегородку, взял огромный нож, и, к нашему с Марсиком ужасу, начал отрезать кусок не от ШОКОЛАДНОГО, а от СЛИВОЧНОГО масла! Хлопая глазами, мы молча смотрели на этот БЕСПРЕДЕЛ, и у нас не хватило духа вымолвить что либо. Чёрт! Мы же не сказали ему КАКОЕ именно МАСЛО нам нужно. В итоге, получив сверток, мы вышли из магазина в крайне скверном настроении. Откусив по разу, и найдя сливочное масло довольно отвратительным на вкус, мы выбросили сверток в урну. Однако наше сознание навсегда сохранило опыт того, что нерешительность не приносит плодов.

И вот теперь, после двухмесячной разлуки, я ждал своего друга детства в стороне от школы, которая к тому времени уже перестала быть МОЕЙ. Несколько последующих дней я приходил сюда регулярно, и когда после обеденной перемены ученики расходились по классам, я входил в пустую столовую, где добрейшая повариха тетя Рая кормила меня так сытно, будто это был последний раз в моей жизни. Как мог я когда-то обманывать эту милую женщину, натирая ртутью от градусника трёхкопеечные монеты, и всучивая ей как двадцатки...

– Иди сюда, сынок! Садись, сиротка, сейчас я тебя покормлю, – чередуя русские и татарские слова, говорила тетя Рая. Дай Бог ей здоровья, если она еще жива!

Вечером, дождавшись Марсика после школы, мы бродили с ним в стороне от двора, пекли в золе костра принесённые им из дома картофелины, а с наступлением темноты он уходил домой. Я же, с мерами предосторожности проникал в свою квартиру, чтобы рано утром, скрепив слюной край бумажной ленты, покинуть её опять. Ночь давалась мне тяжело, поскольку рядом была лишь печальная мачеха, по имени ОДИНОЧЕСТВО.

Глава 9

Этот день с самого утра выдался неудачным. В электрической щитовой не оказалось Вовкиных сигарет. Скорее всего, он ушел из дома раньше меня, потому что спичек тоже не было. В обед молодая школьная повариха сказала мне, что тётя Рая не вышла на работу, и это означало лишь то, что до вечера я останусь голодным. Часам к двум Марсик ушёл с уроков, и я с нетерпением ожидал его в палисаднике позади дома. Он должен был принести что-нибудь из еды, и я периодически выходил за угол, всматриваясь в сторону его подъезда. Марсик задерживался, очевидно, набивая дома собственный желудок.

В очередной раз проходя мимо торцевой части дома, я машинально поднял голову в сторону нашего балкона, и тут же вздрогнул от неожиданности. В темно-синем плаще и черной кепке-аэродроме там стоял Юсуп. Друг друга мы заметили почти одновременно, и инспектор инстинктивно протянул назад, но было уже поздно. Я заметил его и только теперь обратил внимание на виднеющийся из-за кустарника зад бежевой «Нивы» у подъезда. Рванув с места, я бежал, сколько было сил и куда глядели глаза.

Оказавшись на окраине района, я наконец перевел дух, справился с паническим страхом и попытался мыслить рационально. Долговязый Юсуп стоял на балконе нашей квартиры, куда я, словно вор, забрался несколько дней назад. В машине явно сидел Хайрулла. У них есть ключи, и они пришли именно за мной. Что же теперь делать? Во дворе появляться нельзя, там засада. Марсик наверняка сейчас ищет меня с бутербродами под курткой... Что за день! Одолеваемый тягостными мыслями и не находя ответов на возникшие неожиданно вопросы, я крался по палисадникам позади чужих домов. С балкона на первом этаже на меня залаяла маленькая собачонка непонятной породы. Я поднял глаза и поверх собачьей морды увидел несколько сушеных рыбин, висевших на веревке, словно стираное белье.

Голод вернулся ко мне с удвоенной силой. Выломав из ограды длинный шест с загнутым на краю ржавым гвоздём, я какое-то время пытался подцепить им одну из рыбин, но гвоздь лишь скользил по ней, обдирая сухую чешую. Маленькая псина теперь уже заливалась, взяв непомерно длинную и высокую ноту, что действовало на меня паническим образом. Избрав грубый, но быстрый метод, я зацепил саму бельевую веревку, и с треском дернул ее на себя. Рыбы, больно ударив меня по голове, свалились к моим ногам и, схватив одну, я ринулся прочь от этого балкона.

Когда ругань собаки в мой адрес стихла далеко позади, я остановился и, переведя дух, занялся своей добычей. Пойманная ещё летом, рыба оказалась на удивление жирной и вкусной, хотя и сильно солёной. С жадным аппетитом я на ходу выгрызал из нее самые мягкие места и не заметил, как оказался на тротуаре вблизи большой, окаймляющей район дороги. Здесь было многолюдно и, занятый своей рыбой, я брёл в потоке спешащих по своим делам прохожих. Вдруг сзади кто-то схватил меня за локоть так резко, что рыба, выскользнув из моих пальцев, ударила меня прямо в лицо. Левый глаз мгновенно загло от попавшей в него соли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.